

4. 2. 2 /1 ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В БЕЛЖЕЦЕ. (Рассказ д-ра Януша Петера из Томашева)

Вместе с "чёрными", нащываемыми чаще "оскарами" приехало в Белжец несколько немцев в мундирах schulzpolizei ("охранной полиции" - прим. пер.). Они поселились в железнодорожных домиках при дороге до Любича. Комендатура лагеря наняла местных работников для вырубki леса за железнодорожным тупиком и замены сгнивших шпал бокового пути. После того, как этот четырёхугольник был выкорчеван и обнесён колючей проволокой, приступили к работе нанятые плотники и каменщики. Первые поставили деревянные бараки, а вторые – бетонное строение, низкое, с почти плоской крышей, покрытое несколькими слоями кровли. По центру этой постройки проходил коридор с тремя дверями, ведущими в три камеры с каждой стороны. Из этих камер вели во двор широкие двери со смотровым окошком на уровне глаз. Сзади к этому строению примыкала небольшая, тоже бетонная постройка. Спереди и чуть сбоку от этого строения стоял большой деревянный барак, который мог поместить несколько сот человек. Вход в него, как и до бетонного строения, был заслонен высоким деревянным забором, огораживающим двор. Расположение остальных деревянных барakov на площади выглядело следующим образом: 5 параллельных барakov, расположенных на малом расстоянии друг от друга и входом спереди с южной стороны площади. В некотором отдалении от бетонной постройки стояло 3 высоких барака, а наконец у входа, от внутренней стороны площади, находилась будка охранника, имеющая телефонную связь с комендатурой. Почти напротив железнодорожного тупика, в нескольких десятках шагов от пятого барака поставили виселицу, на которой был бы повешен тот, кто рассказал бы о лагерных порядках.

Так как никто из жителей Белжеца не мог увидеть того, что находилось на обнесённой проволокой площади, тем более, что вид заслоняли густо посаженные ели, то был сделан вывод, что немцы, строя бараки, носились с каким-то тайным планом. Жители Белжеца начали строить разные догадки. Между прочим, говорили, что это будет какая-то экспериментальная линия, потому что бараки оббиты внутри жостью, может быть, трикотажная фабрика, или больница для неизлечимо обмороженных больных и т. п. Только тогда, когда по углам площади поставили сторожевые башни, жители поняли, что строится концлагерь. Точно такие же вышки могли увидеть проезжающие по шоссе возле Майданека под Люблином. Поэтому с тех пор каждый житель Белжеца, или крестьянин из Жилки или другой местности держался подальше от грозной проволоки. Тем более, что было установлено несколько табличек на немецком, польском и украинском языках, запрещающих приближаться к ограждению под страхом смерти.

Чему должна была служить эта инвестиция, знал не только каждый военнослужащий зондеркоманды, но и служащие ландратуры и другие немцы, назначенные охранниками в Белжецкий Лагерь. Однако каждый посвящённый держал язык за зубами, потому что подписал декларацию (дал подписку), что никому не разгласит информации ни в устном, ни в письменном виде. Это обязывало прежде тех, кто участвовал в так наз. операции Рейнхарда (Action Reinhardt), названной так на честь Гейдриха Рейнхарда, шефа Главного Управления Безопасности Рейха, позднее наместника в протекторате Чехии и Моравии (как известно, убитого чешскими патриотами в июне 1942 г.). Тот, кто принимал участие в этой операции, даже после увольнения со службы, были обязаны молчать до смерти. Проведение этой операции Гиммлер поручил бригаденфюреру Одилу Глочнику, бывшему гауляйтеру в Вене, а затем Главе Полиции СС Люблинского Округа. Этот

высокопоставленный служащий был одновременно и Комиссаром по делам Укрепления Германии и Переселения в этом округе. Именно он руководил выселением жителей деревни в Замойском районе, которое было проведено по-варварски.

В конце января 1942 г. работники гражданского населения, работавшие в будущем лагере смерти в Белжеце, были уволены, а дальнейшее окончание работ взяли на себя сами "оскары". Все сомнения по поводу цели постройки развеялись в день 4 марта, когда морозным утром приехал поезд, составленный из 60 товарных вагонов. Из каждого окошечка вверху вагона выходили клубы пара и доносились мольбы дать хотя бы каплю питьевой воды. Не трудно было догадаться, что внутри находились евреи. То один, то другой ожидающий на перроне вокзала пассажир, мог подсчитать, что в каждом вагоне толпилось до ста человек. Никто из находящихся на вокзале не осмеливался подойти к поезду, ибо транспорт окружали охранники с оружием, готовые открыть огонь. Польского машиниста заменил усатый немецкий начальник, который с 20 отцепленными вагонами въехал в тупик, чтобы вскоре вернуться с опорожненными и снова заехать в лагерь с очередными 20-ю вагонами. Разделение поезда на 3 части было необходимо из-за длины бокового пути на территории лагеря и вместимости камер. Через некоторое время, в грохоте громко работающего двигателя Дизеля и при пронзительном и таком же громком свисте нарочно выпускаемого из паровоза пара, донёсся раздражающий крик из нескольких сот человеческих глоток, медленно затихающий, после чего наступило молчание, продолжавшееся около получаса. Затем опять был крик отчаяния и протеста, напрасно заглушаемый свистом выпускаемого пара. У каждого из жителей Белжеца тогда по спине пробегали мурашки и охватывал страх, потому что можно было догадываться о массовых убийствах в лагере.

Так как уже тогда время от времени люди находили нагие трупы в придорожных канавах, кто-то когда-то подсмотрел, что их скидывала машина, с такой же будкой, как у машины, перевозящей арестованных в Замостье, с одним выходом сзади будки. Люди догадывались, что евреев душат выхлопными газами. Удушение длилось около получаса, куда включалось и время на подстраховку, чтобы избежать неожиданностей. Ибо такой случай произошёл в конце марта 1942 г., когда привезли транспорт евреев из Пясков: в куче трупов, выброшенных еврейской обслугой из камер, внезапно ожил какой-то молодой еврей и бросился убежать в сторону ограждения. Это было на столько неожиданное зрелище, что никто за ним не погнался, и даже охранники не открыли огонь по убежавшему, когда он прорывался через ограду. Поднятая по тревоге из сторожевой будки ищейка привела обратно поцарапанного парня, которого комендант велел в качестве диковенного экземпляра, прикомандировать к группе рабочих-землекопов.

Разумеется, что весть о том, что творится в лагере, с быстротой молнии разнеслась по окрестным деревням, а при помощи железнодорожников – по всей стране. Лагерь смерти в Белжеце был общественной тайной. Окончательным доказательством существования лагеря смерти было то, что количество поставляемого в лагерь продовольствия не увеличивалось. Хлеб заготавливался только в таком количестве, чтобы хватило для обслуги лагеря. Напрасно гитлеровцы старались заслонить ограду лагеря елями. Посаженные в самом начале, ели стали желтеть, хвоя с них осыпалась, а через засохшие ветки было видно территорию лагеря. Каждый знал, что происходило внутри него, потому что оскары и эссесовцы, напиваясь до полусмерти, понемногу пробалтывались. Одного из "чёрных" арестовали и расстреляли. Вначале все думали, что из-за болтовни, однако вскоре разнеслась весть, что его расстреляли не из-за того, что он разгласил, что творится в лагере, а потому, что по-

пьяну проболтался, что был офицером в советской армии. Дело, быть может, и не получило бы огласки, если бы не оставшаяся любовница, которая, по прошествии некоторого периода "жалобы", узнала о его судьбе от нового любовника.

С тех пор приезжал по крайней мере один эшелон, вскоре два-три, а во время максимальной загрузки в течение суток было до пяти спец-эшелонов по 40 - 60 вагонов каждый. Приезжали, в основном, со стороны Люблина. Поначалу евреи, которых они привозили, вели себя спокойно, позднее было слышно всё более громкий плач, стоны и крики протеста. Несколько местных христиан, схваченных за болтовню, тоже оказались в лагере. Почти из каждого эшелона обречённые люди выкидывали через окошки или просовывали в щели в дверях письма, карточки, в которых сообщали оставшимся дома, куда их везут и в каких условиях. Вначале некоторая часть писем попадала в руки адресатов, так как нашедшие их люди считали себя обязанными бросать письма в почтовый ящик и даже покупать марки, если их не было на письмах. Позднее немецкие начальники почтовых отделений, вероятно, по распоряжению сверху, приказали уничтожать неоплаченные письма, и даже оплаченные, если адресат казался евреем. Чтобы прекратить распространение слухов, немцам было запрещено вести телефонные разговоры на польском языке. Пункт второй на печатном бланке гласил: "Переговоры допустимы только на немецком языке". Немногочисленные частные абоненты были обязаны заказывать международные переговоры у немцев и вести у себя список тех, кто пользовался телефоном, указывая их персональные данные. Исключение составляли только переговоры хозяйственно-экономического характера. Тот, кто осмеливался не исполнять распоряжение начальника почты Витмана, рисковал по крайней мере тем, что у него отберут телефонный аппарат. **Следует упомянуть, что среди выбрасываемых из вагонов писем было много и от**

христиан, настоящих поляков, которые случайно попали в эшелон. Впрочем, позднее гитлеровцы почти к каждому поезду прицепляли вагон, наполненный политическими осуждёнными польской национальности. Ежедневно в лагере умерщвлялось до 5 - 6 тысяч человек. Так продолжалось до поздней осени.

Почти на весь октябрь наступил перерыв. Это было вызвано ремонтом железной дороги на линии Варшава – Люблин и необходимостью (как оказалось) реорганизации лагеря. Было решено мёртвых не закапывать, а сжигать. Сначала нужно было выкопать уже погребённых, и, только управившись с ними, принимать новые эшелоны. Так как в предыдущий период привозили иногда и до 5 эшелонов в сутки, каждый из которых насчитывал, например, по 60 вагонов, а в каждом вагоне находилось по 80 - 100 человек, то следовательно, можно предположить, что по крайней мере в некоторых днях уничтожалось до 20 000 человек. Так свидетельствует инженер Владислав Суворец, заместитель Коменданта 4-й области. Однако чаще всего приезжало по два эшелона, каждый приблизительно по 5 000 человек. Например, от 22.07.1942 г. привозили два раза в неделю такое количество приговоренных евреев из Перемышля, а в другие дни – со стороны Люблина. Ещё одно замечание: сжигание оказалось обязательным, так как невозможно было поместить такую огромную массу убитых на огороженной площади лагеря смерти. Были и другие причины, но прежде, чем заняться ими, стоит подчеркнуть, что приготовления к сжиганию останков требовали соответствующего времени, чтобы переобучить обслуживающий персонал, построить места для сжигания и установить веялки. В течение нескольких недель конфисковано веялки на разных мельницах, не занесенных в список как "Kriegswichtig" (нем.: важных для войны, прим. пер.). Требовалось также провести испытания, так как, как известно, немцы не любят промахов. Можно себе представить ужасающее содержание совещаний

коменданта лагеря со своими ближайшими сотрудниками, доклады Глобочнику, который имел собственных "профессионалов". Однако, на Майданке были крематории, а в Белжеце не было времени на их установку, так как не хватило бы его на выполнение плана экстерминации евреев в срок, назначенный сверху - вероятно, Гиммлером. Таким образом, в Белжеце, наверное, каждый эсесовец стряпал проекты, стремящиеся к наилучшему усовершенствованию машины, в челюстях которой должны были погибнуть ещё десятки тысяч людей "низшего сорта", или тех, кто был враждебно настроен к "делу немецкого возрождения". Перепыл в грязной преступной работе длился так долго, что Белжчане были убеждены в окончании казней. Однако, мельница смерти начала работу на всех парах.

Снова ежедневно прибывали эшелоны, причём в больших количествах, как будто немцы хотели наверстать упущенное время. Не было в Польше, наверное, уголка, в котором бы не знали о белжецком лагере. Особенно со времени, когда на станции остановился скорый поезд Львов - Варшава, а из стоящего на соседнем пути товарного поезда неожиданно стали выскакивать полускелеты, кричащие о помощи. Из хаотических жалоб нагих несчастливцев люди узнали, что эсесовцы несколько дней везли их в вагонах, полы которых были посыпаны негашеной ихвостью. Много нагих фигур попросту выпало наружу из внезапно открывшихся дверей вагонов. Поражённые пассажиры скорого поезда кинулись к окнам и застыли в немом оцепенении.

На глазах нескольких сот свидетелей разыгрались сцены, леденящие кровь в жилах. Охрана открыла убийственный огонь по евреям, чтобы остановить выскакивающих из вагонов и открывающих всё новые и новые вагоны. Пришедший в замешательство немецкий начальник станции как можно быстрее отправил скорый поезд в дальнейший путь, а случайные свидетели на перроне (за исключением старшей медсестры местной больницы Лореты Шпитовны)

рассыпались в мгновение ока в рассыпную, чтобы случайно не быть загнанным в еврейский эшелон. После этого события встревоженная общественность долго обсуждала всё произошедшее. Опасались также, чтобы гитлеровцы не привлекли к ответственности польских железнодорожников в Белжеце, которым, вероятно, приписывали это "скандальное происшествие".

Тут необходимо пояснить, что редко кто вообще отдавал себе отчёт, что "Лес" уже давно посылал доклады и что за граница знала не только о лагере смерти в Белжеце, но и знала правду о всех иных лагерях, как в стране, так и в Рейхе. Немало поспособствовали этому те евреи, которым удалось убежать из эшелонов и передать информацию Движению Сопротивления. Каким образом удавалось убежать из запломбированных вагонов, окошки которых были забиты досками или крепко заплетены проволокой,

Это было возможно благодаря тому, что евреи проносили с собой различные острые предметы, такие как: ножи, пилки, напильники, и т.п. Несмотря на тщательный досмотр евреев, некоторым удавалось спрятать и пронести долото или другой инструмент, пригодный для вырезания доски в полу или боку вагона. Иногда подбрасывали острые пилки для резки железа железнодорожные рабочие, простукивающие оси колёс вагонов. Через расширенные отверстия отчаянные люди выскакивали во время движения поезда. В большей части смельчаки погибали от ран или от пуль конвоиров. Чудовищная правда однако вышла на свет.

Первым этапом смертельной западни была уже сама дорога до Белжеца. В каждом эшелоне привозили в лагерь полно трупов, главным образом детей, женщин и стариков, которые умирали в дороге от болезней, ран или вследствие удушения газами, которые выделялись из-за погашения мочёй негашеной извести, рассыпаной на полу. Гитлеровцы умышленно задерживали эшелоны с евреями даже на несколько дней на каких-нибудь боковых, мало

используемых путях узловых станций. Делали это, чтобы как можно сильнее ослабить узников. Дело было не столько в том, чтобы физически истощить свои жертвы, сколько в том, чтобы сломить, прежде всего, из волю. Люди слабые или больные погибали, не доехав до места назначения. В лагере – о чём давно догадывались – евреев душили выхлопными газами. Разведка нашего Подполья, которая тогда действовала хорошо, ни разу не видела, чтобы до Белжеца дошёл какой-нибудь транспорт с химическими средствами, которые использовались, например, в Освенциме для ликвидации людей.

Разведка располагала информацией, что во второй половине 1942 года немцы привезли в Люблин прусскую кислоту. Это произошло вскоре после визита Гимmlера к Глобочнику. Кислота, однако, не была использована в белжецком лагере, так как там не было соответствующего оборудования. Перед тем, как загнать евреев в камеры в здании, на фронте которого была надпись: "Heckenholts-Stiftung", а ниже неё: "Bade u. Inhalationsraume", обычно кто-нибудь из цугсфюреров или какой-нибудь профессиональный актёр из Вены или Будапешта, обращался с речью к испуганной толпе. Так, по крайней мере, свидетельствовали оскары, которые сбежали из этого лагеря в Сольскую Пущу, где с оружием в руках боролись против оккупанта. Мишка-Хауптман, Васька Грузин и другие приводили даже содержание этой вероломной речи. "Вам рассказывали – говорил предатель – что вы едете в лагерь на неминуемую смерть. Мы тут находимся с начала его существования – и живы. И с вами не случится ничего плохого. Надо только подчиняться приказом и пунктуально их исполнять. Сейчас вы отдадите свои чемоданы, рюкзаки и другие привезенные с собой вещи, сдадите валюту, ценные предметы из благородных металлов, потом одежду и бельё. Пойдёте в баню, после которой вас поделят по специальностям и назначат на работы, каждого - по профессии." Если евреи

были без одежды - речь была соответственно отредактирована. Измученные голодом и ужасной дорогой люди верили, что будут жить и работать. Они хотели жить. Итак, после выступления, они доверчиво двигались к камерам под звуки музыки, шум мотора, начинающего смертоносную работу, и свист паровоза. Верили оратору, ведь он был евреем. Можно себе вообразить, с каким чувством они теснились в камерах, слушая защёлкивание обитых жестью дверей.

Трупы из камер после открытия наружных дверей вытаскивали исключительно еврейские работники, работавшие посменно, в общем количестве около 500 человек. Минутой позднее, другими дверями, со стороны коридора шла на умерщвление следующая группа. Женщин и девушек с длинными волосами перед "баней" обстригали в деревянном бараке, который находился немного сбоку от входа до бетонной постройки. Немало подробностей этой отвратительной и ужасной процедуры (с огромной неохотой и отвращением Мотыгулан Сагадула, татарин, инженер по образованию, родом из Пермской губернии. Кроме того, Иван Хузий, родом из Восточной Малопольши, озлоблённый на Вирта за его оскорбления.

Следовало бы добавить, что арийская команда Лагеря Смерти в Белжеце не была ликвидирована, так как её забрал с собой бригаденфюрер Глобочник, назначенный на должность главы полиции СС на Адриатическом побережье. Его преемником в Люблине стал группенфюрер Якум (Якуб?) Шпоренберг. Во время его управления наступило окончательное уничтожение ещё оставшихся в живых евреев. Например, 5.10.1943 г. на Майданеке под Люблином расстреляли под звуки вальса "На голубом Дунае", транслированном по репродукторе, включенном на полную мощность, чтобы заглушить крики убиваемых. Погибла тогда жена местного врача-ветеринара доктора Фрухтмана. Так

закончился так наз. "Праздника сборов", организованного Глобочником - Эйнхайтом.

Оскар, орудовавшие сначала в Белжеце, давали о себе знать во многие страны, когда писали своим любовницам из Венгрии, Боснии и Истрии. Только о немецкой службе мы не узнали, коснулась ли её рука справедливости. Знаем только, какой смертью погиб Ирман.

Это случилось в Белжеце весной 1943 года при следующих обстоятельствах: однажды закрыли в карцере Оскара, о котором узнал комендант лагеря, что тот скрывал факт, что был советским офицером. Геринг вынес ему смертный приговор. Ирман с автоматом отправился к узнику. Когда он открыл дверь, Оскар кинулся на него и повалил на землю. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Какой-то эсэсовец, проходя мимо, услышав вопль о спасении, бросился на помощь. Посветив электрическим фонариком, увидел Оскара, лежавшего на Ирмане. Ударил Оскара сапогом в голову, после чего выстрелил. Но Оскар успел отклониться, и пуля попала в Ирмана, убив его на месте. Прежде, чем эсэсовец сообразил, что произошло, упал под ударом кулака Оскара, который исчез в темноте ночи.

Знали ли о происходящих ужасных событиях союзники? Да. Штаб Томашевской области был в постоянном контакте с железнодорожной станцией в Белжеце. Присылаемые оттуда точные данные, касающиеся эшелонов с точным подсчётом количества евреев, немедленно пересылались в округ, откуда при помощи коротковолнового передатчика передавались эти данные в Лондон. К сожалению, не сохранились черновики этих сообщений."

Стоит объяснить русскому читателю, что Томашов находится недалеко от Белжеца - не далее 10 км, а сам Белжец - в 90 км от Львова на дороге Львов - Люблин - Варшава.